

3.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Журнал научный, литературный
и политический

Книга IV.

Москва. 1882.

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ *)

VIII. Поѣздка въ Людиново.

Изъ Дядькова въ здѣшній Шеффилдъ, Людиново, идетъ такая же узкоколейная желѣзная дорога. Отъ Людиново она дѣлится на двѣ вѣтви: одна идетъ на Иваново-Сергѣевскій заводъ, а другая къ шахтамъ на Усты и далѣе. Мы выѣхали утромъ. Опять повѣяло было зимою, — довольно холодный сѣверный вѣтеръ дулъ на-встрѣчу поѣзду. По пути стояли всѣ тѣ же сосновые боры, березовыя рощи, темныя траурныя ели. Между ними еще лежали бѣлыя подушки снѣга, не поддавшася въ этихъ чашахъ живительному теплу весенняго солнца до сегодняшняго дня, такъ славно согрѣвшаго эту едва очнувшуюся отъ зимней спячки землю. Въ понижахъ стояла вода, мокрыя кочки торчали изъ нея темными пятнами и только яркія пуховины зеленого моха выстилали кое-гдѣ сочныя замки. По сторонамъ дороги еще валялись обрубленные деревья, вырытые изъ земли и брошенные здѣсь корни столѣтнихъ великановъ простирали во всѣ стороны узловатыя свои сучья, точно жалуются кому-то на насиліе, жертвою котораго они стали. Отглядываясь назадъ на длинную просѣку рельсового пути, мы видимъ, по какимъ горбинамъ онъ проложенъ.

— Какъ мы эту дорогу строили чудесно! — сообщаетъ мнѣ спутникъ.

— А что?

— Да такъ, знаете, вкупѣ. Мальцовъ, его пѣвчіе, управляющие — всѣ работали при этомъ. Никому не было льготы. А потомъ, когда все кончилось, нанялъ онъ ученыхъ машинистовъ, приставилъ къ нимъ мальчиковъ поспособіе, тѣ присмотрѣлись къ дѣлу и теперь сами за машинистовъ ходятъ.

— Какая еще для России дороги! — воскликнул Тернеръ, когда во главѣ желѣзно-дорожной комиссиі онъ осматривалъ этотъ путь.

Только черезъ часъ по выѣздѣ изъ Дядькова солнце опять стало пригрѣвать и вѣтеръ улегся. Стало теплѣе. Ярво заблестѣли снѣговыя подушки между деревьями; такъ и казалось, что еще недавно на нихъ повисли головки лѣсныхъ дриадъ и всякихъ сказочныхъ гризгабовъ, разгоняемыхъ первыми лучами поздняго сѣвернаго дня. Бѣлая кора высокихъ березъ тоже серебрится подъ солнцемъ. Вотъ опять диллошъ дошла береза; первая зелень едва-едва держится на сиротливыхъ еще вѣтвяхъ. Здѣсь гораздо позднее является листва, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя описаны нами въ прежнихъ главахъ. Подъ конецъ однообразіе этого лѣса даже прискучиваетъ. Здѣсь около 200.000 десятинъ занято этими сосновыми и березовыми чащами. Берегутъ ихъ до такой степени, что зачастую попускаютъ дрова на стороны, чтобы не тратить своихъ.

— Позвольте рубить, — пристають иногда управляющіе, — вѣдь въ 6.000 руб. экономимъ въ годъ по такому-то заводу сдѣлаемъ.

— А что потомъ народу останется?

Такъ и бережется этотъ лѣсъ для будущаго.

Лѣвъ не менѣе одинъ въ полѣ не воинъ. Сотрудниковъ нѣтъ; мошенничество тоже не рѣдко, потому, напримѣръ, дроворубы истребляли до 1867 года круглыя площади лѣса по одной версѣ въ діаметрѣ. Сверхъ того самый лучший лѣсъ зачастую подвергался бурелому, что нарушало правильность его эксплуатаціи. Мнѣ самому приходилось здѣсь видѣть страшныя послѣдствія мѣстныхъ грозъ. Точно попалъ куда-нибудь на Тринидать или на берега Ореного. Превосходныя деревья, сваленныя вихремъ, безсильно лежали, упираясь одно на другое съ обломанными или засохшими вѣтвями, съ торчащими изъ земли гувалдами узловатыхъ корней. До 1874 года никакъ не могли добиться, чтобы въ конторахъ и экономіяхъ велся правильный счетъ лѣса. Одному за всею услѣдить нельзя было. Обративъ исключительное вниманіе на заводы, хозяинъ упустилъ лѣса, полагааясь на людскую честность. Разумѣется, людская честность оказалась столь неудовлетворительной, что лѣсами стали-было хозяйничать всѣ, кому не лѣвъ — управляющіе, приказчики, лѣсные ревизоры и даже втихомолку обходчики. Когда сдѣлана была должная ревизія, то оказалось, что превосходнаго лѣса лишь 20%,

остальная часть и большая, 80%, состоитъ изъ разновозрастныхъ деревьевъ, вслѣдствіе бурелома, пожаровъ и выборочныхъ рубокъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ эта часть очень исправилась и количество прекраснаго лѣса увеличилось значительно. Молодняки и заросли занимаютъ тоже громадную площадь на мѣстѣ когда-то вырубленныхъ боровъ. Изъ нихъ третья часть даетъ отличное лѣсовозобновленіе, пятая — посредственное, остальное пространство или облѣселось плохо, или совсѣмъ не поднялось. Какъ и во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ хозяйствахъ, это произошло оттого, что, во-первыхъ, громадныя, квадратныя, сплошныя вырубкы никогда не очищались отъ ненужныхъ вершинъ, сучьевъ и прочаго хлама, причѣмъ на нихъ не оставляли вовсе сѣменныхъ деревьевъ; во-вторыхъ, вредила дѣлу пастыба скота, который весьма охотно ѣсть всѣ древесные всходы или тончетъ ихъ ногами, а вмѣстѣ съ порослями и почву, которая грубѣетъ и дѣлается безплодною; въ-третьихъ, при громадныхъ лѣсныхъ пожарахъ сгоралъ верхній слой чернозема, необходимый для возрожденія и роста деревьевъ; и въ-четвертыхъ, кварталныя просѣки были слишкомъ узки, такъ что не предупреждали распространенія лѣсныхъ пожаровъ, не вентилировали густыя дачи. Съ 1874 года за лѣса здѣсь принялись довольно энергично — и тѣ мѣста, которыя еще недавно шли плохо, выправились. Лѣса стали лучше и крѣпче, — болѣе разумная система устранила недостатки прежняго управленія. Теперь здѣсь принятъ шестидесятилѣтній лѣсообразотъ, то-есть ежегодно вырубается $\frac{1}{60}$ часть лѣсовъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ тому времени, когда будутъ вырубаться послѣднія площади, первыя уже были покрыты высокими и крѣпкими лѣсами. Цѣнность ихъ здѣсь доходитъ по самой умѣренной цѣнѣ до 5.000.000 руб. Если взять минимумъ до 4.000.000 руб., такимъ образомъ заводы ежегодно сѣдаютъ на 66.666 рублей древеснаго топлива. Сверхъ того здѣсь есть особенныя заказныя пространства, въ которыхъ рубка производится съ крайнею осмотрительностію и введенъ лучший способъ лѣсоустройства. Контроль лѣсовъ и отчетность по нимъ заведены очень строгіе — и теперь уже невозможны тѣ упущенія, которыя, по счастью, были замѣчены во-время, иначе довели бы дѣйствительно удивительные здѣшніе лѣса до самаго дурнаго положенія. Въ настоящее время сюда можно призвать учиться сбереженію порослей и уже старыхъ лѣсовъ, охраняемыхъ для будущаго, грознаго, несомнѣнно, въ остальныхъ частяхъ нашего обезлѣсеннаго отечества. Здѣсь

* даже зачастую отбываютъ себѣ въ необходимомъ въ виду этого времени, и послѣдующія поколѣнія скажутъ не одно спасибо людямъ, сохранившимъ для нихъ такое громадное богатство.

Было воскресенье. Весь народъ—внѣ деревень. Пестрыя группы деревенскихъ дѣвушекъ въ перегонку гонялись за медленно шедшею желѣзною дорогой и кричали намъ что-то. Одна, особенно красивая, хохотала во все горло и добѣжала за нами на самый мостъ черезъ Болву. Мостъ этотъ раскинулся почти на версту. Видъ отсюда дивный. Вонъ большое село Буява. Все оно вытянулось на косогорѣ, сверкая своими окнами подъ высоко уже поднявшимся солнцемъ. Бругомъ обступили лѣса и точно хмурятся издали, слѣдя за этими веселыми, чистыми избами. Даль залита разливомъ Болвы. Изъ него выдвигаются рощи и аллеи какихъ-то раскидистыхъ деревьевъ, окутанныхъ первою молодою листвою. Точно золотисто-зеленныя облака опустились на свергающее водополье да и замерли такъ среди окружающей ихъ нѣги и покоя. Голубыя полосы воды видны и тамъ изъ-за лѣса; темныя пятна еще голаго кустарника входятъ въ это неподвижное зеркало. Свѣтлыми каналами вода заходитъ за выступы холмовъ и далеко, далеко тамъ, гдѣ едва-едва мерещатся лѣсныя пустыни, свѣтится какая-то полоска. Должно-быть и туда забрался разливъ этой красивой и шаловливой рѣки.

Подъ мостомъ самое стремя. Вода ярко бѣжитъ между его сваями, точно злится на нихъ, перегородившихъ ея свободное теченіе.

Мостъ выстроенъ на славу, а между тѣмъ и здѣсь работали только крестьяне. Оттого-то вѣрно онъ и обошелся дешево!... Скоро нашъ поѣздъ оставилъ его позади и опять за Буявою ворвался въ сплошное царство молчаливаго лѣса. Только изрѣдка между стволами его деревьевъ свѣтлѣли длинныя каналы разлива, воспользовавшася всѣми лощинами и оврагами, чтобы ворваться сюда, въ этотъ торжественный и величавый міръ столѣтнихъ великановъ. Почва видимо измѣнилась. На полянахъ и въ лѣсу стали показываться валуны. Сѣрые, обросшіе мохомъ, камни какъ-то особенно были въ лицу къ этимъ елямъ и этимъ красивымъ соснамъ, на борѣ которыхъ года провели безчисленные морщины. Вдали изъ-за вершинъ дымится что-то и спустя нѣсколько минутъ поѣздъ, выйдя изъ дремучихъ чащъ, медленно подошелъ къ селу Сукремень съ заводами и фермами.

Лѣсъ и тутъ ухитрился сохранить на самой околицѣ заводовъ. Ненасытныя утробы доменныхъ печей пожираютъ тысячи.

и десятки тысячъ кубическихъ сажень дровъ, а молчаливые деревья стоятъ себѣ даже нерѣдко у самыхъ этихъ ненасытныхъ обжоръ. Около села огромное озеро. Болва врывается въ него шумнымъ теченіемъ; слѣва тихо струится туда же рѣчонка Сукремень, извилистая и красивая, всплывшаяся теперь весной. Хорошо обстроенная улица правильно разбита вдоль этого озера. Массы народа и опять кучи дѣтей спуютъ во все стороны. Дѣйствительно, вспоминаешь зенберскаго рабочаго: «наша баба — плодливая баба». По крайней мѣрѣ я нигдѣ—ни на Уралѣ, ни на Сѣверѣ, ни на Югѣ—не встрѣчалъ такого обилія молодого поколѣнія, пребывающаго еще въ безпанталонномъ состояніи. Все они, воображая, что съ нами хозяинъ, сбѣгались къ вагонамъ, крича еще издали: «Ура, дѣдушка, ура!» Но, увы, въ окно никто не бидалъ имъ праниковъ и, разочарованные, счи оставались, недоумѣвали, поглядывая на насъ.

— Что, развѣ дѣдушки нѣтъ?—поинтересовался одинъ.

— Нѣтъ. Въ Дядьковѣ остался.

— А у васъ праниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

Потоптался, потоптался малышъ и отправился вспать.

Слышу потомъ:

— Не бѣгите, ребятки, —Сергѣй Ивановича нѣтъ!

Но тѣ, не вѣруя, все-таки подбѣгали къ намъ. Повторялась та же исторія.

Отсюда только шесть верстъ до Людинова.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ это было ничтожное село. Здѣсь стояла только одна домна и изъ мѣстной руды плавился чугуунъ. За то съ 1832 года этотъ Жиздринскій Шеффилдъ идетъ впередъ гигантскими шагами. Отсюда заводскій прогрессъ разлился по всей Россіи. Здѣсь впервые было примѣнено пудлингованіе и здѣсь же научились ему рабочіе, которые потомъ разнесли свои знания и на далекій Уралъ, и въ Олонецкую губернію. Здѣсь съ тѣхъ поръ практиковалось все, что только являлось новаго въ горнозаводскомъ дѣлѣ, примѣнялись новыя усовершенствованія, открытія. Теперь въ Людиновѣ живетъ до 7.500 человекъ народа, получающаго все средства къ существованію отъ завода. Одной прямой заработной платы расходуется заводомъ до 600.000 рублей ежегодно. Заводъ этотъ основанъ въ 1769 году, но только въ послѣднее время, лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ принялъ свой настоящій видъ. Тутъ, на примѣръ, съ 1870 по 1880 г., только

за десять лѣтъ, сдѣлано и собрано 373 паровоза, на 9.256.770 р., 154 вагона пассажирскихъ, на 337.150 руб., 8.428 товарныхъ вагоновъ, на 11.612.749 р., 2.667 платформъ, на 2.686.794 р. А всего на 23.913.463 рубля. Сверхъ того, въ то же время здѣсь приготовлены массы локобилей, земледѣльческихъ машинъ и орудій, гидравлическихъ прессовъ, отдѣльныхъ и запасныхъ частей для паровозовъ, маслобоекъ, всякаго литья посуднаго, штучнаго, —памятниковъ и рѣшетокъ, паровыхъ котловъ, паровозовъ для шоссе, желѣза разнаго въ издѣлкахъ, стали такой же, желѣза и стали въ кускахъ, рельсовъ и прочихъ вещей. Такихъ въ 1878 г. считалось на 4.558.348 руб., въ 1879 г. — 3.391.742 рубля и въ 1880 году на 3.388.088 рублей. Здѣсь работаютъ двѣ печи доменныхъ, пять вагранокъ, пять печей газовыхъ, всѣ для выплавки чугуна; одна газовая печь для выплавки мѣди, три такихъ же для выплавки стали, четырнадцать сварочныхъ, двѣ пудлинговыхъ, одна калильная и три паяльныхъ печей. Въ Людиновскомъ заводѣ работаютъ 78 горновъ, восемь заводскихъ вентиляторовъ, двѣ сушильни, одна турбина, семь большихъ штамповыхъ машинъ, два обрѣзныхъ стана, десять паровыхъ молотовъ, два молота пружинныхъ, восемь гидравлическихъ прессовъ, тринадцать прокатныхъ валовъ, 31 строгальная машина, 126 токарныхъ станковъ, 54 сверильныхъ, 22 долбежныхъ, 28 торцовыхъ, 12 винтовальныхъ, два шпунтовыхъ, нить зуборѣзныхъ, девять правильныхъ, три загибальныхъ, восемь штамповальныхъ. Сверхъ того машины для провѣрки валовъ, для нарѣзки метчиковъ, притирочныя, паровые ножи, ножи приводные, четыре болтовыхъ машины, двѣ гаечныхъ, угольные мельницы, 417 тисковъ, 100 верстаковъ, масса токарныхъ станковъ для дерева и много круглыхъ пилъ.

Эти цифры даютъ довольно полное понятіе о дѣятельности Людинова.

Все, разумѣется, надо брать сравнительно. Окружающій околотоковъ бѣденъ и лишенъ всякой промышленности. Развить здѣсь такое дѣло — большая заслуга. Чтобы дать еще дальнѣйшее понятіе объ оборотахъ завода, приведемъ цифры, какія намъ удалось собрать на мѣстѣ. Въ 1880 году одни слесаря заработали здѣсь задѣльной и поденной платы 220.000 руб., котельщики около 80.000 р., бузнецы 40.100 р., клепальщики 72.000 р., литейщики 74.000 р. и т. д. А между тѣмъ это былъ годъ самый неудачный. Заводъ сократилъ работы, потому что заказы

уменьшились въ связи съ общимъ дурнымъ экономическимъ положеніемъ Россіи. Заводъ отсюда сбываетъ свои издѣлія въ Петербургъ, Москву, Харьковъ, Кіевъ, Одессу, Каховку, Екатеринбургъ, Орелъ, Пензу, Черниговъ, Пинскъ, Минскъ, Бременбургъ, Вильно, Ростовъ-на-Дону, Нижній-Новгородъ, Динабургъ, Ригу. Въ этихъ городахъ помѣщаются конторы завода или его комиссіонеры.

Большое озеро блеснуло впереди, заставленное у праваго берега островами, между которыми струятся свѣтлые проливы. Озеро окаймлено отовсюду, кромѣ Людинова, лѣсистыми берегами. Оно здѣсь ужасно напоминаетъ Сайму. То же меланхолическое спокойствіе пейзажа, тотъ же просторъ едва-едва подернутой зыбью воды, та же густая хвойная растительность, тѣ же острова, покрытые лѣсомъ, безлюдные и безмолвные. Поездъ идетъ медленно. Направо безчисленные зданія заводовъ, налѣво молодятникъ — густо-выросшій лѣсъ.

— Погнѣтъ или высохнетъ.

— А вотъ мы его скоро разрѣдимъ.

Еще издали слышится величавый гулъ. Точно море гдѣ-то бьется въ крутые берега, слышатся даже отдѣльные удары набѣгающихъ валовъ. Загрозеешь глаза — и чудятся, окаймленные гребнями, волны, разбрасывающія по вѣтру извивы бѣлой пѣны. Такъ и кажется, что несутся онѣ издали на тебя, ударяются въ крутые утесы и, разбившись, съ дикою злобой отбѣгаютъ назадъ, чтобы съ новыми безчисленными зеленоватыми валами опять броситься на эти несокрушимыя твердыни. На дѣлѣ, разумѣется, никакого моря, да и не къ лицу было бы оно какому-то Жиздринскому уѣзду. За то немолчно и безустанно бьется тутъ и днемъ, и ночью такое же безграничное, такое же неутомное море людскаго труда. Слышны тяжелые удары паровиковъ, глухой переборъ громадныхъ молотовъ, цѣлыя стихіи всевозможныхъ звуковъ, гдѣ мѣшаются въ одно акустическое марево и свистъ ремней, и шорохъ приводовъ; и стукъ клепаль, и визгъ желѣза, и клекоть чугуна въ домнахъ, и рѣзкій стонъ стали подъ круглыми пилами слесарныхъ станковъ, и удары паровыхъ ножей, и трескъ ломающагося дерева, и грохотъ зубчатыхъ колесъ, и мѣрный шумъ воды въ шлюзахъ; и Богъ знаетъ что еще. Все это захватываетъ васъ, кружитъ голову, долго не даетъ возможности остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Нѣсколько нервному и непривычному покажется, что онъ самъ попалъ подъ

эти молоты, въ эти ярко-горящія печи, что на него опрокидываются зубцы громадныхъ колесъ, налетаютъ какія-то стальные руки скрытыхъ внизу великановъ. Вверху по проволочной воздушной дорогѣ двигаются сотни маленькихъ вагончиковъ съ рудой; погромыхивая, они бѣгутъ къ дымящимся домнамъ. Изъ десятковъ трубъ влѣбится черный тяжелый дымъ, — нѣтъ у него силы подняться къ этому весеннему небу и, истощась въ безплодныхъ стараніяхъ, онъ разстилается надъ заводомъ зловѣщею тучей, темною днемъ, багровою; словно отражающею какое-то громадное зарево, ночью. Миріады искръ несутся въ этомъ дымѣ и гаснутъ въ его густыхъ влѣбахъ. Намъ видны громадные дворы, заваленные жерногами, стальными бандажами, какими-то громадными частями машинъ, цилиндрами, въ которыхъ можетъ помѣститься и зажить припѣваючи любая семья, локомотивами, точно остановившимися съ разбѣга и размышляющими: куда же далѣе?... Груды желѣзнаго лома, цѣлыя горы всякаго мусора, имѣющаго свою цѣнность потому, что онъ вновь пойдетъ въ переплавку. Не понимаешь пока, какъ можно ориентироваться въ этомъ лабиринтѣ, и невольно ищешь, гдѣ, въ какомъ изъ этихъ гремящихъ, грохочущихъ сараевъ помѣщается минотавръ, который разомъ проглотитъ тебя въ свое желѣзное брюхо.

— Ну что, какъ вамъ нравится?— спрашиваетъ меня слугникъ.

— Погодите, я еще понять ничего не могу.

— Вотъ завтра мы пойдемъ съ вами и осмотримъ все подробно. А теперь поѣдемте далѣе.

Бойкіе кони живо унесли насъ отсюда.

Людиново больше другаго уѣзднаго города. Оно все разбросалось слободами. По берегу озера вытянулись кирпичные двухъ-этажные дома, принадлежащіе рабочимъ. Деревянные мѣшаются съ каменными. Все обнаруживаетъ довольство и зажиточность. Какъ потомъ я убѣдился самъ, и внутри большая половина домовъ чисты и недурно обставлены, а нѣкоторые для «села» даже и меблированы хорошо. Развалинъ нѣтъ. Несмотря на воскресенье, не больше двухъ или трехъ пьяныхъ, да и тѣ какъ-то сторонкой забираютъ, чтобы не попасть кому-нибудь на встрѣчу. «Они у насъ этого стыдятся», — поясняетъ мнѣ управляющій Макарь Алексѣевичъ Калининъ, изъ престоныхъ рабочихъ выбившійся въ люди. Онъ въ томъ же сбромъ армякъ, какъ и всѣ. Интеллигентное лицо, разговоръ, обнаруживающій большую смѣт-

ливость и недюжинный умъ. Это родъ мѣстнаго маленькаго Эдиссона. Дайте ему разобрать, сдѣлать по чертежу любую неизвѣстную ему машину, онъ не только ее сдѣлаетъ, но и усовершенствовать постарается, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Калининъ побывалъ и за границей, въ Бельгій, посматрѣлъ тамъшніе заводы, а по здѣшнему ему иногда случается заткнуть за поясъ и ученыхъ техниковъ. Подумаешь, какими странными скачками вырабатываются иногда русскія талантливья натуры! Этотъ Калининъ, на примѣръ, и образованія никакого не получилъ, — еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ простымъ слесаремъ былъ на томъ же Людиновскомъ заводѣ. Случай выручилъ: ну, палецъ былъ слесарь къ дѣтямъ владѣльца, чтобы научать ихъ этому дѣлу. Выборъ палецъ на Калинина, — онъ и обнаружилъ вдругъ таланты, которыхъ никто и не подозрѣвалъ въ этомъ спокойномъ, скромномъ, засыпанномъ стальными опилками, рабочемъ. Прибавьте къ этому доказаннукъ безуборизненную честность — и типъ передъ вами будетъ полонъ. И сколько такихъ еще хоронится въ массахъ засборוזлыхъ тружениковъ, десятки лѣтъ просиживающихъ за какимъ-нибудь станкомъ!

При описаніи монастырей Соловецкаго, Святогорскаго и Вааламскаго я задавался вопросомъ: почему это только тамъ русскіе талантливые люди находятъ просторъ и работу, только тамъ способностямъ ихъ даютъ ходъ?... Здѣсь, наконецъ, пришлось убѣдиться, что и на міру есть хоть одно учрежденіе, гдѣ такимъ труженикамъ всегда будетъ и честь, и мѣсто. Вся администрація, все управленіе здѣшнихъ заводовъ состоитъ почти исключительно изъ прежнихъ рабочихъ. Сотни коммиссіонеровъ, приказчиковъ, агентовъ — изъ нихъ же. Два-три техника, нанятыхъ на сторонѣ, остальное — однообразная народная масса, выдѣляющая изъ самой себя и власть, и факторовъ власти. Чужихъ не любятъ. Да надо сказать правду, всякій разъ, какъ сюда брали ихъ, въ концѣ концовъ приходилось горько раскаиваться. Тутъ все свои — одна семья, тѣсно сжившаяся, сплотившаяся, солидарная почти во всемъ. И посмотрите, какъ живутъ эти, выдѣлившіеся изъ простыхъ крестьянъ и по виду оставшіеся простыми рабочими, люди. Вотъ, на примѣръ, Калининъ: у него двухъэтажный домъ, вверху парадная, внизу жилия комнаты; мягкая прекрасная мебель, зеркала, рояль отъ Велениуса и фисгармонія тутъ же; вездѣ висятъ цѣнныя лампы. Видны уже привычки къ нѣкоторому изяществу. Чистота вездѣ поразительная, а жена его

и дѣти ходять въ сарафанахъ и онъ самъ не снимаетъ своего армяка. Вообще здѣсь выработался совсѣмъ особый типъ крестьянства. Посмотрите его не въ будничной обстановкѣ, когда онъ за своимъ станкомъ, весь засыпанный пылью желѣзной, весь въ поту работаетъ надъ чѣмъ-нибудь, а въ праздникъ или у него дома. Какая у него чистота, какая щепительная опрятность! Пьянствовать ему и въ голову не приходитъ, потому что это приравнивается къ пришлымъ забуддыгамъ, у которыхъ ничего нѣтъ, которые все, что ни получаютъ, все спустятъ. Мнѣ самому случилось наблюдать такую сцену. Пьяный придрался къ трезвому.

— Свири-я ты, вотъ что!

— Ты самъ свинья, да еще пьяная!... Возьму я да созову народъ.

— Ну?

— Свиришь.

— Чортъ!

— Ты хуже чорта.

— Ну, Макарка, доберусь я до тебя.

— Иди, иди, — но тебѣ давно кабакъ плачетъ. Страмишь ты насъ всѣхъ, вотъ что! Кабы въ тебѣ умъ былъ, ты бы куда-нибудь скоронился, пока вытрезвишься. А то при чужомъ человѣкѣ, — указывая на меня, — весь нашъ заводъ пакостишь.

Никто изъ выдѣлившихся крестьянъ, ставшихъ рабочими, большихъ жалованій не получаетъ. Всѣ усилія направлены къ тому, чтобы народу хлѣбъ былъ, чтобы не останавливать ни одного станка, ни одного человѣка не бросить безъ дѣла. При такихъ условіяхъ колоссальныя гонорары были бы совсѣмъ невозможны. Самое управленіе носитъ удивительный характеръ, нигдѣ до сихъ поръ мнѣ не встрѣчавшійся. Что-то патриархальное до нельзя. Провинится въ чѣмъ-нибудь управляющій или приказчикъ, — вина ему прощается и разъ, и другой, и третій. На четвертый — расправа. Призываетъ его Мальцовъ, высчитываетъ ему вины всевозможныя.

— Ну, коли хочешь у меня оставаться, такъ поступи оный на заводъ простынь рабочикъ.

Полгода слѣдить за нимъ, какъ себя ведетъ, хорошо ли работаетъ. На семьѣ это не отражается въ большинствѣ случаевъ. Она остается въ томъ же домѣ, ей помогаютъ. Исправляется провинившійся, его начинаютъ повышать и года два-три спустя

онъ опять управляетъ дѣломъ. Такъ, наприимѣръ, поступали и въ разъ съ замѣчательно-умнымъ человѣкомъ, тоже выдѣлывавшимся изъ слесарей и завѣдывавшимъ дѣломъ Людиновомъ. Его изъ главноуправляющихъ разжаловывали въ простые рабочие раза три уже. И въ настоящее время онъ еще тѣнетъ свой кусокъ; онъ вполне не прощенъ и на его рукахъ пока очень большое дѣло. Разумѣется, онъ можетъ отказаться и уйти, но это значитъ никогда уже не быть принятымъ на службу сюда. Самъ Мальцовъ никогда и никого не прогоняетъ. Это всё знаетъ и до того сжились съ заводами, что каждый рабочий здѣсь прежде всего увѣренъ въ прочности своего положенія.

Мы остановились въ Людиновѣ. Передъ нами разстилась даль озера, заставленная на западѣ зелеными островами. Между ними чуть-чуть серебряными нитями намѣчивались узкіе проливы. У самаго берега колыхались два парохода: «Капитолина» и «Николай». Ихъ оснащивали и приготавливали къ навигаціи. Изъ зданій, откуда я любовался на чудную картину этихъ свѣтлыхъ и спокойныхъ водъ, на заводъ проведенъ телефонъ. Онъ меньше любуховскаго, тоже устроеннаго здѣсь: тотъ на три версты, этотъ на одну. Своеобразные часы стоятъ въ углу, громадные, и на нихъ надпись «Никита Каширкинъ—Людиново». Мѣстное издѣліе въ послѣднемъ колесе. Лѣтъ сорокъ имъ или всѣмъ пятьдесятъ, а они работаютъ какъ новыя.

— Тутъ не одни часы, — тутъ дѣлаютъ превосходные, самые точныя инструменты, даже измѣрительные, и все тѣ же простые рабочіе. Здѣшніе манометры славятся.

— Людиново издавна извѣстно этими инструментами.

— Здѣсь народъ на этомъ стоитъ. Посмотрите завтра, какіе у насъ мастера, полюбуетесь.

А между тѣмъ по наружности все это чуждо роскоши. Старыя закопченныя зданія, подпертыя снаружи, поддерживаемыя изнутри, ничего лишняго, ни копейки не идетъ даромъ. Подъ иногда деревянные, если это не мѣшаетъ дѣлу, кровлями бьются тысячи людей, выработывая на миллионы рублей различныхъ издѣлій, расходящихся отсюда по всевозможнымъ уголкамъ Россіи. Когда на другой день зазвонилъ колоколъ и вся эта толпа рабочихъ повалила черезъ площадь, на которой стоитъ превосходная церковь, роскошно отдѣланная внутри, съ таинными, какъ въ Дядьковѣ, мѣстной работы хрустальными иконостасами, — действительно подивился этому громадному муравейнику. Улицы разогнѣ

ожили, вездѣ шумно переговаривались рабочіе, медленно идя ло домамъ—обѣдать.

И все это—только изъ-за того, чтобы не умереть съ голода.

Воображаю, какъ пронизируютъ про себя иностранные заводчики, осматривая тагя учрежденія, какъ Людиново.

— Эхъ вы! — думаютъ они про себя, — все дома есть, со всѣмъ вы сами сладить съумѣете, а работаете и хлопчете за насъ и для насъ. Свое въ черномъ тѣлѣ держите, а чужому покровительствуете.

К. Низдрискій Шеффилдъ.

На другой день съ ранняго утра я уже отправился на заводъ.

Шумъ воды въ шлюзахъ, свистъ машинъ, грохотъ паровиковъ и трескъ раскаленнаго чугуна подъ ударами молота—опять охватили меня отовсюду цѣлымъ хаосомъ звуковъ, но теперь я уже привыкъ къ нимъ. Они всю ночь проникали ко мнѣ въ комнату черезъ сапертыя окна,—слухъ уже нѣсколько притупился.

— Съ чего мы начнемъ?—обратился ко мнѣ молодой техникъ, вызвавшійся сопровождать меня по Людиновскому лабиринту.

— Съ доины, я полагаю.

— Значитъ въ литейный цехъ?

— Что такое?

— У насъ заводъ весь дѣлится на цехи: литейный, жѣдно-литейный, кузнечный, клепальный, слесарный, столярный и котельный. Въ литейномъ, куда мы съ вами пойдемъ сейчасъ, отливаютъ разныя машинныя части для подвижнаго желѣзно-дорожнаго состава и земледѣльческихъ орудій, посуду и разныя другія вещи.

Въ этомъ отдѣлѣ одинъ локомотивъ въ четырнадцать смѣлъ работаетъ, двѣ доменные печи перевариваютъ въ своихъ бабениныхъ утробахъ каждая по 1.000 пудовъ руды, флюса и массы дровъ и угля, пять вагранокъ горятъ и день и ночь, выѣщая въ обѣ стороны по 300 пудовъ чугуна каждая, три газовыя печи, куда зарядъ бросаютъ по 230 пудовъ, а на всѣ 690, и сверхъ всего этого посредствомъ подъемнаго ворота дѣйствуетъ ручная формовальная машина. Рабочихъ въ этомъ отдѣленіи тоже не мало. Два мастера заправляютъ 230 литейщиками, 24 ихъ подручными, 40 учениками, 96 женщинами и 120 чернорабочими. Въ здѣшнихъ домнахъ производится прямо отливка чугуна въ издѣлія, что оберегаетъ много топлива, часть же чугуна отливается въ

называемые штыли для передѣлки въ желѣзо. Отливки между собой очень различествуютъ: иногда сразу отливается вещь въ 1000 пудовъ вѣсомъ и тутъ же льются горшки, стѣнки которыхъ немногимъ толще писчей бумаги.

Руду сюда везутъ изъ Устовъ по желѣзной дорогѣ; на верхъ къ домнамъ она подымается въ маленькихъ корзинахъ подъемными машинами по проволочному воздушному пути. Тутъ рыжия и желтые массы руды сначала сбрасываются въ обжигальныя печи, за которыми возятся, мѣшая въ нихъ руду, бабы, обожженные, всѣ въ поту, усталыя до-нельзя, сплошь покрытыя пылью.

— Трудна ваша работа, — невольно проговорилъ я, вглядываясь въ эти истощенные организмы, въ эти поблекшія лица.

— Не дай Богъ, панночскъ! Хуже нашей работы нѣтъ.

— Что же получаете вы?

— Рублей семь въ мѣсяцъ заработать можемъ. Больше нельзя!

Большой воротъ (колошникъ) забираетъ изъ обжигальной печи сырую руду въ колошу (корзину) и поворачиваетъ съ ней прямо къ домнѣ. На Уралѣ весь этотъ трудъ совершается изморенными людьми. Тутъ за воротомъ смотритъ только одинъ рабочий. Колоша съ рудой останавливается надъ домной, устье которой имеетъ слегка розовымъ красивымъ огнемъ. Въ немъ иногда мелькаютъ желтые языки, дымъ взрывается клубами вверхъ въ высокую надъ домной большую желѣзную трубу. Особый аппаратъ еще запираетъ часть этой громадной печи. Около возится старикъ, тоже весь изможденный и измученный.

— Ворочайся, ворочайся, а больше сорока копѣекъ въ день не заработаешь, — жалуется онъ, переходя надъ домной по перекладнѣ, устроенной отъ одного края къ другому.

— Совсѣмъ по новѣйшимъ харчамъ даромъ служишь!

Колоша въ это время наполняется соответствующимъ количествомъ флюсовъ — камней известковыхъ породъ, вѣсть съ которыми плавится руда. Дѣломъ этимъ заняты мальчики, зарабатывающіе такимъ образомъ по 15 копѣекъ въ день. Работаютъ здѣсь двѣ сѣтны, по двѣнадцати часовъ каждая. Въ домнахъ сверху проведены рельсы и по нимъ подкатываются въ вагончики дрова.

— Ну, пара, ребята, начинай, начинай!

Въ устьѣ домны конусомъ вверхъ торчитъ аппаратъ Паре. Онъ опускается и подымается по тѣланию. Сначала, по командѣ

старшего, на него, въ дому, насыпаютъ руду, уголь и флюсъ. Грохотъ стоитъ въ эту минуту въ этомъ темномъ и мрачномъ сараѣ, затѣмъ поверхъ руды наваливаютъ дрова и, сравнивъ все это вокругъ конуса, особымъ механизмомъ опускаютъ его внизъ. Понижаясь, конусъ показываетъ на нѣсколько секундъ внутренность этой каменной утробы, горящей тысячами огней, переваривающей чугуны и шлаки. Глубы дыма и пыли отъ провалившейся руды и угля поднимаются вверхъ; пламя взрывается туда же, точно въ догонку за этою пылью. Потомъ, когда дрова и флюсы уже внутри, конусъ опять подымается и запираетъ пасть этой колоссальной, съ четырехъ-этажный домъ вышней, печи.

Мальчики на минуту присаживаются отдохнуть. Бѣдные заморились совсѣмъ, таская корзины съ углемъ. Въ ворота этого сарая, выстроеннаго надъ домой, видно Людиновское озеро, весело сверкающее подъ солнцемъ; за нимъ—лѣсъ, зѣленъ, бѣлые домики слободы, отражающіеся въ водѣ.

Каторжный трудъ!

Пришлось переживать тѣ же ощущенія, что и на Уралѣ. Тамъ еще тяжелѣе рабочимъ. Тутъ они хоть не жарятся надъ огнемъ ничѣмъ не закрытой домы, какъ это имъ приходится выносить въ томъ горнозаводскомъ округѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—обращаюсь я къ маленькому рабочему, отдыхающему рядомъ.

— Четырнадцать.

— Много ли же ты зарабатываешь здѣсь?

— Не мало... Шесть, либо пять рублей въ мѣсяцъ. Какъ приведется.

— Трудно?

— Работать надо! Наши всѣ работаютъ.

Не успѣвъ договорить, какъ вдали послышался грохотъ.

Надали подѣзжали по рельсамъ вагончики съ дровами, на двинулись надъ домой и стали. У нихъ выдвинули дно и дрова повалились въ дому.

— Сколько каждый разъ идетъ дровъ?

— По четверти кубической сажени вагончикъ.

— Она страсть что жретъ этого дерева!—замѣчаетъ старикъ.

— Да, у нея желудокъ не испорченъ!—шутитъ мой спутникъ.

— У нея, братъ, животъ не всучить... Не заболитъ... У нея что у рабочаго: камень проглотить—и то сдѣржитъ.

Мальчишки начали скидывать дрова равномерно вокруг конуса въ устье домины и сверху наслонили угля.

Въ это время отъ обжигальной печи, тяжело скрипя и крихтя, вылез старикъ подъ непосильною ношей, приворачиваетъ ворота домины съ рудою и флюсами. Конусъ опускаютъ; изъ домины взрывается масса пламени, съ трескомъ и ревомъ уносится вверхъ. За дровами насыпаютъ опять руды и флюсовъ; опять ужь не пламя, а дымъ и мириады искръ летятъ вверхъ. Только короткій отдыхъ, и опять въ воротахъ серебрится спелая гладь озера съ возвышенными островами и бѣлыми домиками на берегу.

Изъ-подъ конуса, изъ аппарата Паре, газъ выводится въ особый паровикъ для движенія воздухоудной машины. Все рассчитано такъ, чтобы ничего не пропадало даромъ. Сверху насъ покрываетъ вѣтъ по какимъ-то пещерамъ и жиламъ въ бокахъ этой маленькой домины. Точно застѣжки старыхъ крѣпостей чудились намъ по сторонамъ. Звукъ же тѣса гдѣ-то казался звономъ цѣпей, вздохи доменныхъ паровиковъ—стонами замученныхъ жертвъ. Не меньшія жилы продѣланы тутъ же: черезъ нихъ дѣйствуетъ воздухоудная машина. Тамъ слышится порывистый свистъ, какъ горный вѣтеръ съ силою врывается въ узкое ущелье, а изъ выхода изъ отовсюду стѣснившихъ его вершинъ и каменекъ скатовъ. Вотъ и фурмы, севозъ которыхъ мы видимъ самое прекрасное этой чудовищной печи, ярко свербающее, гдѣ руда обращается въ жидкое молоко, гдѣ плавится и кипитъ камень. Точно спустились во внутренность волкана, въ пароксизмъ самой кипучей вулканической дѣятельности. Чудятся какія-то огненные волны тамъ, какъ-то зигзаги яркихъ молній, пронизывающихъ жидкій металлъ. Тутъ тутъ стоитъ такой, какой я слышалъ только въ переполненныхъ заводахъ того же рода. Кажется, будто гдѣ-то рядомъ падаетъ масса воды съ громадной высоты на острые скалы,—падаетъ и разбивается въ тысячи мелкихъ брызгъ. Съ такою силой воздухъ стремится внутрь, въ самое сердце этой маленькой домины, откуда въ свою очередь несется влокотаніе шипящей лавы, удары точно пушечные удары. Оглушенные мы отходимъ отъ конуса внизъ.

— Сейчасъ выпустятъ шлаки.

Позади домины устроены выходы для нихъ. Пузырятся и всплываютъ круглыми разливами, выступаетъ лава изъ этой поры. Кажется, что это огненные волны, слѣпяція глаза своимъ желтымъ

блескомъ. По краямъ поверхность лавы уже синѣетъ, а изъ выводящаго отверстія все выползаютъ новыя и новыя волны. Жара кругомъ дѣлается невыносимой. Кто-то оретъ; мы ничего не слышимъ. Наконецъ рабочій схватываетъ кишку и направляетъ на кипящую лаву сильную струю воды. Точно злая на это бупанье, лава блокочетъ, пузырится, съ трескомъ лопается, синѣетъ и сѣрѣетъ, причемъ только изъ трещинъ мелькаютъ еще ея красные огненные глаза. Наконецъ она совсѣмъ тухнетъ подъ водою. Остается какая-то поздраватая, рыхлая губба.

— Зачѣмъ это?

— А видите ли, такимъ образомъ разрыхленный шлакъ—отличное средство для удобренія полей. У насъ его свозятъ на фермы и раскидываютъ по землѣ. Онъ возвращаетъ ей золу, которую унесли изъ почвы скошенные и сжатые растенія или злаки.

— Я нигдѣ не встрѣчалъ ничего подобнаго.

— Да это только у насъ и дѣлается.

— Что же, лучше урожаи на удобренныхъ такимъ образомъ поляхъ?

— Еще бы! Подъ влиянiемъ дождя и вѣтра шлакъ разрыхляется такимъ образомъ быстро... У насъ даже крестьяне начали уже кое-гдѣ усваивать этотъ способъ удобренія.

Мы проходимъ къ устью домы, сквозь которое выходитъ выплавленная руда.

Путь лежитъ мимо вагранки для переплавки стараго чугуна. Толстая, выпятивъ свое каменное кузо, вся въ грязи, блокочетъ она; видимо, и эта печь, перевариваетъ свою пищу.

— Это наша черная красавица.

— Матрена! — шутятъ рабочіе, — вымылась бы, а то вся рожа въ грязи.

Два рядомъ такихъ Матрены отопляются коксомъ; третья—въ сторонѣ, та требуетъ древеснаго угля.

Работающіе внизу у домы получаютъ уже хорошее вознагражденіе: 65 коп. идетъ имъ въ будни и 85 в. въ праздникъ. Въ мѣсяцъ они зарабатываютъ отъ 18 до 25 рублей, если безъ прогуловъ. Деньги эти и достаются не даромъ, — жара адская. Кажется, что дышешь раскаленнымъ воздухомъ Сахары, потому что сухой зной пышетъ прямо въ лицо тебѣ, завивая волосъ и заставляя трескаться кожу. У «щели» отверстія, сквозь которое идетъ чугунъ, уже столпился народъ. Шумъ фурмы, крикъ людей слышатся влѣтъ. Точно сказочная Вальпургіева ночь. Рабочіе

уже и одѣты лучше, и глядятъ здоровѣе. Лаптей нѣтъ, — въ ротѣ сапоги; видъ сытый. Слышатся шутки, обращенныя все къ той же домнѣ.

— Эхъ ты, Домна, Домна! Пузо-то набила, теперь мы тебя ломать станемъ.

Въ щели, въ сѣрой массѣ отвердѣвшей руды—трещины. Въ трещинахъ вспыхиваютъ голубые огоньки.

— Ну, ну, пробейка ее... Максимъ, ты парень здоровый, ступай, ступай.

Принести длинный ломъ аршина въ два.

— Бакъ разъ по Домнѣ! Ну, братцы, зачинай, зачинай, что не валить!...

Ломъ этотъ наставили въ щель и давай молотами пробивать въ ней дыру. Потъ валялъ съ лицъ у рабочихъ.

— Съ ей тоже повозишься...

— Болоти, колоти молотомъ сильнѣе!

Кора въ щели не поддалась.

— Ишь за праздники-то работы не было, такъ домна-то и стала маленько. Литейщики здѣсь?

— Издѣся.

— Пришли кашу хлебать?

— Порцію свою получимъ, — отшучивались тѣ.

— Ты не больно только, — жжется... Ты подуй сначала.

— Ладно... Еще тебя поучимъ.

У литейщиковъ въ рукахъ были ложки, — разумѣется, громады, — чашки и ковши.

Наконецъ, кора подалась, ярко блеснувъ золотой, огнистою пробойной. Проламывавшій кору рабочий живо выдернулъ ломъ и въ первый поставленный ковшъ полилась жидкая струя чугуна, разомъ освѣтившаго все: и толстую домну, и грязныя вагранки, и потныя лица рабочихъ. Всякій литейщикъ бралъ сколько ему нужно и бѣжалъ въ мастерскую съ своей порціей расплавленного металла.

— Ничего больше?

— Ничего, — всё сыты!

Тогда по длинному желобу чугунъ пошелъ внизъ, въ формы, сбланные въ землѣ. Тутъ онъ охлаждается и для дальнѣйшей переплавки поступаетъ въ вагранки. Въ пермскихъ заводахъ чугунъ, выходя изъ щели, разбрасываетъ тысячи звѣздъ въсѣхъ цвѣтовъ. Здѣсь онъ льется густою струей, безъ брызгъ, потому

что въ Людиновскихъ домнахъ онъ выходитъ уже спѣлымъ. По охлажденіи въ изломѣ, онъ оказывается темносѣрымъ, т. е. лучшаго сорта. Посуда и вещи изъ него выходятъ превосходныя. Только на нихъ никогда не прекращаются заказы. Ихъ столько, что заказчики даже ждутъ, хотя всѣ амбары здѣсь до потолка загромождены ими. Ограничивайся заводъ такими работами, — разумѣется, онъ былъ бы доходенъ; но Мальцовъ задался цѣлю во что бы ни стало выдѣлать иностранныя машины съ русскихъ рынковъ и терпитъ большіе убытки, достигая этой цѣли. Отъ мѣстныхъ издѣлій специалисты приходятъ въ восторгъ. Когда мы вошли въ сарай, гдѣ сложены всѣ эти издѣлія, намъ, какъ въ «Сорочинской ярмаркѣ» у Гоголя, пришлось воскликнуть: «чего тутъ нема!» Горшки, заслонки, утюги, печныя дверцы, гири, котелки, громадныя котлы, доски для памятниковъ, плиты, гайки, зубчатые колеса, изящныя чугуныя рамы, какіе-то цилиндры и тысячи другихъ предметовъ, которымъ сразу, пожалуй, не прищешь и названія. Литейщикъ, отливающе все это, получаетъ до 30 рублей въ мѣсяцъ. Плата имъ идетъ съ нуда отлитыхъ ими вещей. Специалистъ г. Саймоновъ вотъ что говоритъ по поводу здѣшнихъ работъ изъ чугуна: «приходишь къ заключенію, что литейная часть Людиновскаго завода доведена до высшей степени совершенства. Подобныя тонкія отливки даетъ чугуномъ олонецкихъ заводовъ, съ тою только разницею, что выплавленный изъ болотныхъ рудъ и содержащій вредныя примѣси — фосфоръ и сѣру, олонецкій чугунъ для переливки въ желѣзо не годится, тогда какъ здѣшній даетъ превосходное». Это было сказано четыре года назадъ. Съ тѣхъ поръ дѣло здѣсь значительно подвинулось и усовершенствовалось.

Сердце завода — паровая машина; она разгоняетъ кровь по артеріямъ этого громаднаго, изъ камня и желѣза сложившагося, организма. Мы прошли мимо нея; она глухо бьется всѣми своими поршнями и рычагами, выбрасывая заръ по самымъ отдаленнымъ проводамъ. Оставивъ ее, мы переходимъ въ помещеніе среднебойнаго водянаго колеса. Ирзкъ и сырость. Струи воды льются отовсюду; слышится шумъ какихъ-то ручьевъ и потоковъ, сбѣгающихъ съ колеса въ тускло поблескивающую внизу воду. Шлюзы — внизу, и отсюда доносится грохотъ неудержимо рвущейся куда-то стихіи. Чугуныя нульсы бьются кругомъ; громадныя ремни протягиваются вдаль; колесо движетъ ихъ съ громадною силой. Они всѣ направлены въ слесарни и имъ станки безчис-

мастерскихъ Людиновскаго завода обязаны своею жизнью. — то же сердце. Весь завод кажется отсюда какимъ-то сложнымъ организмомъ, въ которомъ бьются и работаютъ два сердца, паровое и водяное, уживающіяся рядомъ одно съ другимъ. Я взойду на помостъ, устроенный у середины колеса. Громадное, въ 15 футовъ въ диаметрѣ, оно подымаетъ чудовищную массу воды. Диаметръ его равняется 14 футамъ въ диаметрѣ. Дѣйствительно, что-то такое, сезачное слышишь и видишь во всѣхъ этихъ взмахахъ громадныхъ орудій, въ этомъ мѣрномъ шумѣ воды, въ этомъ грохотѣ машинъ. Точно попалъ въ самое нутро какого-то чудовища и находишься безмолвнымъ свидѣтелемъ его отравленій, самыхъ существенныхъ процессовъ жизни, поддерживающихъ этотъ организмъ. Какъ и у фурмъ, чудится грохотъ водопада, и если не поспѣешь, то самому можно попасть подъ него, потому что сверху и съ боковъ льются струи воды. Помосты, на которые выходишь, полъ, на которомъ стоишь, дрожатъ и колышутся отъ силы этого движенія. Вверху, работаетъ столь же громадный аппаратъ для шлюзовъ; по бокамъ съ грохотомъ движутся какіе-то колеса, шатуны, поддерживающіе безчисленные поршни, мѣха. Какъ какъ-то исчезаешь передъ громадностью этихъ сооруженій, находишься самому себѣ безсильнымъ, ничтожнымъ.

— Экое дѣло заведено! — замѣчаетъ рядомъ крестьянинъ.

— А что?

— Ужъ очень чудесно: и паромъ-то пушаетъ, и водой-то дѣйствуетъ.

— Ума не приложишь.

Другой бородатый мужикъ завѣдуетъ всей этою машиною. Ему все единственно, — съ присмотрѣлся къ ней, и она уже не дивитъ его своими размѣрами. Отъ постоянного грохота и шума вокругъ онъ немного глуховатъ сталъ и молчаливъ.

— Слова отъ него не добьешься!

— Ужъ очень много слушаетъ, — некогда самому балакать.

Взвонецъ мы уходимъ отсюда. Передъ нами помещеніе мѣдно-литнаго цеха. Тутъ отливаютъ разныя машинныя части, части подвижнаго состава, для земледѣльческихъ орудій. Когда мы были, работъ не оказывалось. Начнутся онѣ завтра. Только въ цехѣ газовая печь горѣла, переваривающая сразу до ста двадцати пудовъ мѣди. Это самое маленькое отдѣленіе мастерскихъ. Въ ней работаетъ одинъ мастеръ съ девятью литейщиками, че-

тырьмя учениками и двумя чернорабочими. Кругомъ стоитъ масса тиглей, въ которые отливается мелкія вещи.

— Пустыня тутъ у насъ пока... Въ слѣдующій разъ, какъ покажете, все это горѣть будетъ, закипитъ!... А теперь скучно здѣсь.

Отсюда мы перебираемся въ мастерскія кузнечнаго цеха. Опять оглушающій шумъ, стукъ молотовъ, свистъ мѣховъ и шорохъ взрывающагося въ горнахъ пламени. Брызги огня разлетаются изъ-подъ молотовъ; желѣзо подъ ними точно жалуется кому-то, скрипитъ и сжимается. Тутъ горятъ три сварочныхъ печи и каждая вмѣщаетъ въ себя до 150 пудовъ металла заразъ; работаетъ одна паровая машина въ шестнадцать силъ и два паровика въ пятьдесятъ силъ каждый. Два паровые молота въ 120 пудовъ каждый и три поменьше, въ 27 пудовъ, разбиваютъ и обжимаютъ громадныя желѣзныя кувалды; пружинный молотъ громыкаетъ тоже, а рядомъ свищутъ массы мѣховъ, вгоняя въ огни семидесяти восьми горновъ сильныя струи воздуха. Тутъ за всѣми этими горнами, печами и молотами работаютъ три мастера, сто кузнецовъ, сто пятнадцать молотобойщиковъ, четыре печника, двадцать подручныхъ, два мальчика, двадцать восемь бабъ и девятнадцать надсмотрщиковъ и машинистовъ.

Мы проходимъ прямою улицей этихъ ярко горящихъ горновъ. Вонь блеснули зѣвы сварочныхъ печей. Въ нихъ горятъ куски желѣза; другіе уже подъ молотами и разбрасываютъ кругомъ послѣ каждаго удара тысячи золотыхъ брызгъ. Обжимщики въ кожѣ шурятся, чтобы не попало въ глаза. Красивыя, сытыя, совсѣмъ не изморенныя бабы шуруютъ печи. Онѣ бросаютъ туда дрова, переговариваясь и пересмѣливаясь одна съ другой. Тутъ и заработокъ у нихъ не особенный, да трудъ легокъ. Онѣ получаютъ по 20 коп. въ день. Даже мальчики получаютъ больше бабъ, — имъ идетъ по 25 коп. въ день. Суровые, молчаливые, словно совсѣмъ обожженные рабочіе у сварочныхъ печей получаютъ до 30 руб. въ мѣсяцъ.

— Что они у васъ такіе хмурые?

— Работа такая. Стоитъ онѣ цѣлый день у печи, въ огонь смотреть.

— Такъ что-жь?

— И все самъ про себя думаетъ. Вы знаете, кто въ огонь смотреть, тотъ думаетъ больше и разное ему въ огнѣ чудится.

— Вотъ какъ!...

— Тутъ рабочіе это отлично знаютъ. Одинъ вотъ разскази-
валъ, въ печахъ-то адъ чудится. Тагъ онъ и куски желѣза грѣш-
ники звалъ: «принеси грѣшника». Всякій разъ, какъ бросалъ
въ паровую печь желѣзо, тагъ и воображаетъ себѣ, какъ на
нѣбѣ свѣтъ въ геену: будутъ грѣшниковъ и злодѣевъ всякихъ
много. Знаете, отъ огня ужасно фантазія разыгрывается. Вы
то видите?

— На Уралѣ такія же явленія замѣчалъ я.

— Это довольно общее. А другимъ въ огнѣ цѣлые города
блещутъ, люди, лица какія-то мелькаютъ, бѣгутъ какія-то сере-
бряныя шубы, золотыя саламандры возятся между ними, бриллиан-
ныя волны струятся по темнымъ пока кускамъ желѣза, крова-
выя потоки какія-то вскипаютъ на нихъ. Не мудрено, что како-
то-нибудь старику и адъ почудится. Мерещатся изъ огня про-
свѣщаются къ нему руки. Голоса слышатся!

Самый громадный отдѣлъ завода — слесарныя мастерскія.

Слесарный цехъ раздѣляется на четыре разряда. Въ первомъ
представляются части для паровыхъ и другихъ машинъ и для
механическихъ орудій. Тутъ два гидравлическихъ колеса діа-
метра въ 10 метровъ каждое. Сила ихъ: перваго въ 60, а вто-
раго въ 70. Паровая машина въ 100 силъ, восемь цилиндриче-
скихъ вѣховъ отъ 40 до 50 силъ каждый, два гидравлическихъ
пресса диаметромъ на 10", десять строгальныхъ станковъ, 41 то-
карный, 16 сверлильныхъ, четыре долбежныхъ, пять торцовыхъ,
два вѣвальныхъ, два винтовальныхъ, одинъ для провѣрки валовъ,
два штиповальныхъ, одинъ паровой ножъ, одна угольная мель-
ница, 90 тисковъ слесарныхъ. За всѣми этими станками и ору-
дьями работаютъ восемь мастеровъ, 376 мастеровыхъ, 70 уче-
никовъ, 16 женщинъ, 30 чернорабочихъ.

Во второмъ слесарномъ отдѣленіи выдѣляются части для
паровыхъ и локобилей. Тутъ одинъ паровой локобилъ въ
15 силъ и одна калильная печь, 17 строгальныхъ станковъ, 67
токарныхъ, 18 сверлильныхъ, 16 долбежныхъ, 22 торцовыхъ,
два винтовальныхъ, одинъ зуборѣзный, одинъ штиповальный, 106
тисковъ слесарныхъ, одинъ пружинный молотъ. Рабочая сила:
5 мастеровъ, 290 мастеровыхъ, 45 учениковъ, 10 женщинъ, 12
чернорабочихъ.

Въ третьемъ слесарномъ отдѣленіи обжигаются и отдѣлыва-
ются печи, дверцы, каминны и т. п. Здѣсь одинъ локобилъ въ

10 силъ, три сверлильныхъ станка, одинъ токарный, одинъ приточный, два шиповальныхъ, 116 тисковъ. За ними заняты два мастера, 100 мастеровыхъ, 40 учениковъ, 3 чернорабочихъ, 10 женщинъ.

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣленіи отдѣлываются части для вагоновъ, собираются земледѣльческія орудія. Тутъ строгальный станокъ, 14 токарныхъ, 7 сверлильныхъ, одинъ долбежный, одинъ торцовый, пять винтовальныхъ, два шиповальныхъ, три штамповальныхъ, 35 тисковъ. Рабочихъ: 2 мастера, 60 мастеровыхъ, 18 учениковъ, 5 женщинъ и 2 чернорабочихъ.

Тутъ гнѣтъ заводской дѣятельности. Ряды камеръ, занятыхъ исключительно слесарнымъ дѣломъ, сплошь заставленныхъ машинами, станками. Безчисленные приводы и ремни двигаются вверхъ и вертятъ сотни механизмовъ. Отъ однихъ ремней стоитъ какое-то стихійное шуршаніе, а тутъ еще грохочутъ паровики и локомотивы, визжитъ, положительно визжитъ желѣзо подъ строгальными аппаратами. Здѣсь вообще какое-то вавилонское столпотвореніе, — ничего даже не сообразишь. По крайней мѣрѣ я совсѣмъ не могъ дать себѣ отчета, что здѣсь дѣлается. Голова разбалывалась, точно тысячи этихъ молотковъ стучали въ черепъ, точно эти безжалостные винты ввертываются въ него, а не въ стонавшее и плакавшееся подъ ними желѣзо. Тамъ глухо работаетъ паровой ножъ, стѣкая толстые куски желѣзныхъ частей, тутъ какія-то машины стираютъ металлическія доски, такъ что каждый атомъ ихъ вздрагиваетъ, а сѣрая желѣзная пыль тучей поднимается въ воздухъ. Произительно визжитъ пила и сверлильный станокъ, вѣеромъ разбрасывая кругомъ желѣзныя стружки. Какіе-то особенные ножи нарѣзываютъ толстые бруски, сипная съ нихъ дѣлая слон коробящагося, какъ береста на огнѣ, металла. Въ сторонѣ стоятъ чистенькія, изящно-отдѣланныя машины, съ массою самыхъ непонятныхъ для меня частей. Неподвижныя, онѣ только ждутъ пароваго привода — этой души, которая бы ихъ оживила. Проковка, обточка и шлифовка желѣза доведены здѣсь до щегольства, не говоря уже о томъ, что всякая вещь дѣлается отчетливо, прочно и готовится весьма вѣрно. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стальные бандажи получались здѣсь съ петербургскаго Обуховскаго завода, но теперь они готовятся въ Людиновѣ, причѣмъ, по словамъ технолога, не уступаютъ лучшимъ англійскимъ издѣліямъ этого рода. Съ нами заводы посѣщала французскій инженеръ, — не упомяну

и лишь его фамилію. Онъ при видѣ только-что изготовлен-
наго строгальной машины пришелъ въ совсѣмъ непонятный
и величій восторгъ. Машину совсѣмъ уже видѣли изъ общаго типа рабочихъ.
Машинистъ серьезный, изобрѣтательный и умный.

— Въ все время при машинѣ, — по неволѣ мозгами-то поше-
велъ. За нее не зная принятыя нельзя. Ее тоже понимать

— Тутъ до всего дойдешь. Въ ней, въ машинѣ, ума много!

— У нихъ удивительное чутье, — объясняетъ французъ, ра-
ботавшій здѣсь. — Привезутъ самый сложный механизмъ, весь онъ
лежитъ. Взглянетъ рабочий на чертежъ и нюхомъ
тотчасъ пойметъ. Бывало только руками разведешь.

— Вотъ у насъ тутъ Баба есть, такъ она не нахвалится

— Баба баба?

— А механикъ нашъ.

Баба вышла изъ французомъ Бобенемъ, завѣдующимъ слесар-
скими мастерскими. Здѣсь только трое чужихъ. Главноуправляю-
щій гамбургскій инженеръ Басонъ, инженеръ Дюссо, сынъ
Басона, и Бобенъ.

Басонъ, какъ народъ толковый и умный, держатся совсѣмъ
отъ другихъ рабочихъ. Они хорошо держатся, почи-
тутъ, интересуются всѣмъ. Семьи ихъ зажиточныя, пото-
му мастерской можетъ здѣсь заработать отъ 26 до 48. руб-

въ мѣсяцъ. Дома у нихъ свои, дрова ничего не стоятъ,
и припасы даетъ имъ заводъ, спускающій ихъ по деше-
во и такъ же продающій своимъ рабочимъ. Сталь и
железо идутъ какой-то особенный отпечатокъ на работниковъ.

Вотъ дѣло, я не разъ наблюдалъ это. Имѣющіе дѣло съ
железомъ выработываются въ мягкихъ и не совсѣмъ положи-
тельныхъ лицей, за то на металлическихъ занятіяхъ вырабаты-
ваются весьма сильные характеры, точно всѣ эти массы же-

леза, чугуна сообщаютъ имъ свою крѣпость и неподатли-
вость. Тутъ и воздухъ какой-то особый. Въ этихъ мастерскихъ
чрезвычайно ощущаешь запахъ желѣза и стали. Онъ густо
наполняется въ атмосферѣ, восторженно дышутъ.

Вотъ, напримеръ, самое характеристичное лицо передо мною.
Онъ идетъ для пробаливанія желѣзныхъ листовъ; красное
железо оттуда во всѣ скважины; слышится его свистъ и

кнѣвотъ издали. Прямо у устья печи высокой, жилистый рабочий. Весь—изъ мускуловъ, на диво сложенный. Умные, нѣсколько воспаленные отъ огня глаза упорно смотрятъ на васъ и не опускаются авѣрное не передъ бѣмъ; крупныя черты дышутъ энергией и силой. Выпуклый упрямый лобъ прекрасно сформированъ, губы сжаты, подбородокъ совсѣмъ такъ, какъ рисуютъ у Наполеона перваго. Заговорилъ я съ нимъ,—оказался знающій человекъ. Привычка мыслить сказывается въ каждомъ словѣ. Какъ не похожи на него еще недавно попадавшіеся мнѣ жиздринскіе крестьянскіе типы, загнанные совсѣмъ, измученные на безработицѣ и безработицѣ, совсѣмъ безнадежные для будущаго.

Хлѣбопашецъ, съ поэтическимъ складомъ своей фантазіи, съ любовью къ природѣ и иногда даже съ пониманіемъ ея, все-таки оказывается простымъ крестьяниномъ рядомъ съ этими мастерами, всю свою жизнь возащимися съ машинами. Я не знаю, можетъ-быть въ первыхъ сосредоточиваются всевозможныя добродѣтели, но во вторыхъ несравненно болѣе жизненной энергии, способностей, изобрѣтательности. Несмотря на то, что заводскій рабочий живетъ лучше землепашца, въ немъ уже явилось недозволеніе своимъ положеніемъ и растеть протестъ. Здѣсь, на примѣръ, положеніе дѣль лучше, чѣмъ у сосѣдей: люди обезпечены, сыты и—главное—о нихъ заботятся, все для нихъ дѣлается; тѣмъ не менѣе пришлось мнѣ самому слышать весьма знаменательныя фразы.

Было, на примѣръ, освященіе гуты. Сошлась вокругъ Мальцева толпа рабочихъ.

— Трудно, братцы, всѣмъ трудно нынче. Бѣда,—заказовъ нѣтъ.

— Какъ не трудно... Милліоны страдаютъ!—слышится изъ толпы.

Смотрю, желчное, желтое лицо, глаза блестятъ лихорадочно, по лицу бѣжитъ судорога.

— Да, братъ, страдаютъ.

— Всю жизнь работаю, семеро дѣтей, бока болятъ! Заѣли рабочаго человека господа, совсѣмъ заѣли! Боли бы не вы, и здѣсь бы не жить! Безъ васъ начнутъ изъ насъ кровь точить!... Пропадать рабочему человеку надо, совсѣмъ пропадать!

Дрожить весь.

— Это я видѣлъ, какъ съ нами на другихъ фабрикахъ. Со скотомъ легче.

...рубу, скажъ булакъ.

— Ты-съ въ-бакъ!... Помирать буду, а не забыть, какъ они
людей, забли!

— Это ты совсѣмъ слово неподобное говоришь, — сталь его
съ свещеникъ.

— Вы посмотрите-ка, батюшка, что по другимъ обругамъ
Совсѣмъ насъ бо мчи убили, душать и кричать не
... А у меня вотъ отъ работы бока...

— А ты забылъ, легче вельбуду вшити въ ушко игольное,
... и вытону...

... и смотрѣть не сталь, отмахнулся и прочь пошелъ.

— Забѣлъ ему въ ушко игольное? Онъ, братъ, себѣ и здѣсь
... небесное устроить, сдѣлай милость!

... рождается противу капитала грозная сила. Она
... и вѣлветъ подъ гнетомъ, какъ крѣпнетъ чугуны подъ
... извергая изъ себя всѣ постороннія примѣси,
... мы отпралились въ клепальни.

... производится клепаніе паровиковъ и сборка паровозовъ
... трехъ локобилей въ 44 силы всѣ вмѣстѣ, гидрав-
... пресса, мѣховъ, четырехъ штамповальныхъ и четырехъ
... одной гаечной машины, ножей паровыхъ и приво-

... трехъ строгальныхъ станковъ, десяти сверлильныхъ, одного
... двухъ загибальныхъ, одного правильнаго, трехъ паяль-
... 70 тисковъ. Заняты въ этомъ цехѣ 6 мастеровъ,

... учениковъ, 30 женщинъ, 10 чернорабо-
... все заставлено машинами, локобилями, паровозами,

... собираются въ этомъ отдѣленіи. Вонъ, напримѣръ, локо-
... онъ весь почти готовъ, но его со всѣхъ
... рабочіе, какъ мухи въ жаркое лѣто, сѣвшія
... быка. За сборъ всего паровика малаго имъ
... 160 р., большаго 250 руб. Это дѣлится между восемью
... составляющими такимъ образомъ артель.

— Чо-ль, выгодна эта работа?

— Батъ когда... Въ хорошее время отъ 25 до 30 руб. въ
... прядется.

— А въ другое?

— А въ другое и по двадцати—слава Богу!

— Тутъ вѣдь какъ бываетъ... Сбираешь машину—вотъ бы и
... часть въ другихъ мастерскихъ еще не
... гуляй, теряй время понапрасну.

— Ничѣмъ развѣ другимъ заняться нельзя?

— У насъ такъ: одна артель собираетъ каждую машину. Если работы нѣтъ, къ другой не приступишься, — тамъ свои работаютъ.

— А иной работы нѣтъ?

— Мы не привычны... Мы сборщики издавна.

Въ другомъ отдѣленіи клепального цеха еще болѣе наставлено всякихъ громадныхъ сооружений. Тутъ и громадные чугунные ворота, и черные, еще не крашенные, паровозы, какія-то необычайныя по величинѣ желѣзныя трубы. Вонъ, напримѣръ, совсѣмъ готовая, уже собранная, банная печь; можно подумать, что въ баню, гдѣ она будетъ стоять, придуть мыться сломы и посороги. Въ ней легко можно было бы сжарить допотопнаго мамонта, еслибы на этомъ же заводѣ былъ приготовленъ достаточный для того противень. Грохотъ здѣсь стоитъ оглушительный, стукъ молотковъ, шуршанье и громъ какихъ-то толстыхъ желѣзныхъ листовъ. Древній грекъ подумалъ бы, что онъ попалъ въ лабораторію грома къ Зевесу.

— Правда, какъ все это величаво и по-своему красиво? — восхищался мой спутникъ французъ.

Своеобразная поэзія механическаго желѣзнаго дѣла!

Вонъ совсѣмъ черный паровозъ. Его начинаютъ красить.

— Мы это сейчасъ ея тувалетъ начнемъ, — говорятъ рабочіе. — Недолго наша красавица въ грязи будетъ.

— Вотъ вымоемъ ее, покрасимъ, поддурянимъ, брови ей поддуримъ — совсѣмъ дама станетъ, какъ въ городу бываетъ, а то еще и лучше, потому что въ городу бабы хлипкія да жидкія.

Вотъ одинъ локомотивъ еще только собранъ. Одинъ рабочій забрался внутрь, другой снаружи. Раскаленными гвоздями заглаживаютъ предварительно просверленные дыры. Грохотъ такой, что сидящій внутри, по выходѣ оттуда, я думаю, долго еще не можетъ очнуться. Нужно здѣсь и уши имѣть такія же, каковы и эти локомотивы, печи, паровики, и изъ того же самаго матеріала. Бассонъ, завѣдующій Людиновскимъ заводомъ, уже оглохъ, и другіе мало-по-малу гложутъ. Это здѣсь неизбѣжно. Тутъ желѣзо и сталь орутъ во всѣ свои громадныя пасти и если стѣны Иерихонскія когда-то пали отъ звуковъ еврейскихъ трубъ, то, я думаю, отъ этихъ звуковъ и зданія филистимлянскаго города не остались бы цѣлыми.

Кончилъ рабочій влоачивать, — выскочилъ другой извнутри. Итъ ободѣвшій совсѣмъ.

— Что ты?—спрашиваютъ его.

Видеть глазами,—видимо, ничего не понимаетъ.

— Оуууу!...

— Конечно онъ потому. Скоро привыкнетъ. У насъ дѣло не простое. Тяжело первое время только.

Вдругъ выдмывается грохотъ еще пронзительнѣе. Это начали выдмывать новую трубу. Совсѣмъ какъ живая ореть она подъ свои болыякіе молоты.

— Или бы!... Тебѣ бы казенный гвоздь въ шкуру забивать и тогда бы заоралъ тогда.

Привычная манера у рабочихъ одушевлять всѣ инстру-
менты и машины, съ которыми они имѣютъ дѣло!

Вотъ цѣлая улица сварочныхъ печей Сименса. Справа и
заслонки слышенъ шумъ пламени и розовые языки
выдмываютъ во всѣ щели, облиывая черную кирпичную кладку.

Другая улица такая же: направо Сименсовы, налѣво ста-
ны Картона. Сталь здѣсь варится прямо изъ чугуна, мел-
козернистаго, желѣзнаго скрапа и обломковъ старой стали. Про-
тивъ устья, мы слышимъ, какъ тамъ ворчитъ расплав-

ленный металлъ, герметически закупоренный въ самое нутро
аппаратовъ. Въ углу валяются горы бандажей, прямо
изъ стали и еще не отдѣланныхъ. Меня приглашаютъ

идти въ газоникъ. Мы опускаемся какими-то темными
лестницами. Въ портъ этой едва дышешь отъ дыму. Онъ оку-
тываетъ со всѣхъ сторонъ, бьетъ глаза, струится въ носъ и

вотъ какой-то, жирный... Мы попадаемъ въ зарядникъ,
выступать и откуда сбрасываются внизъ дрова. Тутъ дымъ
еще гуще. Серые клубы его замѣняютъ воздухъ. Еще минута—

мы начинаемъ вкручиваться. Въ трубы, чтобы по нимъ не
пролетѣть, сыплютъ лопатами опилки. Изъ этой лаборатории
выступать въ сварочныя печи и дѣлаетъ тамъ свое дѣло.

И, собравъ послѣднія силы, мы вбѣгаемъ вверхъ на чи-
сто выдмываемъ, подъ сарай сварочныхъ печей, и опять слышимъ
шумъ металла за ихъ заслонками, опять въ глаза намъ

бьетъ пронзающее сквозъ ихъ щели розовое пламя. На пробу
выдмываютъ изъ склада длинную полосу желѣзную, холодную уже.

И чтобы испытать гибкость ея. Загнули ее разъ, другой,
и третий, и бусокъ въ 16 дюймовъ толщины не далъ
трещины, несмотря на то, что загибали его сплошь и

Великие, пока внутреннія стѣнки сгиба не сошлись совсѣмъ. Это—испытанный металлъ, выходящій изъ здѣшнихъ печей.

Сталевары получаютъ по мѣстнымъ цѣнамъ весьма высокое вознагражденіе—по 50 руб. въ мѣсяцъ.

Наступилъ вечеръ, и въ мастерскихъ зажгли газъ.

— Откуда это у васъ?

— Въ вамъ газъ Царицына доставляютъ нефтяные остатки, мы изъ нихъ и приготавлиемъ.

— Бакъ вамъ нравится наше Людиново?

— Я еще не могу дать себѣ отчета.

— Почему?

— Слишкомъ много всего. Подавляеть.

— Да, а къ Мальцову перешло когда, знаете ли, что здѣсь было?

— Ну-съ?

— Дюма, кричныя гонча, да семь слесарей!

Въ этомъ сталеварномъ отдѣленіи, кромѣ печей, вмѣщающихъ въ себѣ стали и металла въ ломъ по 245 пудовъ каждая, есть еще двѣ пудлинговыхъ печи. Здѣсь работаютъ четыре паровика по 40—50 силъ каждый, гидравлическое колесо въ 60 силъ и одна турбина въ 30 силъ. Тутъ же масса исполнительныхъ механизмовъ и вальцовочныхъ станковъ, четыре паровыхъ молота, одна гидравлическій прессъ, двѣ паровыя пилы въ 10 силъ, станъ для прокатки бандажей, паровой ножъ, три токарныхъ станка. Тутъ и разряды рабочихъ разнообразіе. Завѣдуютъ дѣломъ четыре мастера, у нихъ 10 катальщиковъ, 30 подручныхъ, 6 пудлинговщиковъ, 15 газовщиковъ, два сталевара, у нихъ 4 подручныхъ, 30 женщинъ и 18 чернорабочихъ. Сверхъ этого, занимающагося прокаткою круглаго, угольного и другаго сортаго желѣза, отливкой и прокаткою стали, отдѣленія, есть еще другое того же цеха, гдѣ производится прокатка желѣза кубового, котельнаго, листового и т. п. Тутъ пять сварочныхъ печей, три паровика, двѣ паровыхъ машины, гидравлическое колесо, двѣ сушильни. Въ этомъ разрядѣ пять станковъ вальцовыхъ, одинъ паровой молотъ, одинъ пружинный, паровая пила, четыре гидравлическихъ пресса, одинъ загибальный станъ и одинъ токарный, три штамповальныхъ машины, ножъ паровой, ножъ дѣйствующій приводомъ, гаечный и проволочный аппараты. Тутъ трое мастеровъ, 35 катальщиковъ, 20 подручныхъ, 50 слесарей,

машинистовъ и смотрителей, 6 газовщиковъ, 34 женщины, 12 чернорабочихъ.

— Вамъ теперь надо посмотреть еще наше деревянное отдѣленіе.

— Какое деревянное?

— Да столярное и другія: модельное и чертѣжное.

Переходъ отъ желѣза къ дереву разомъ подтвердилъ мое прежнее наблюденіе.

Не было этихъ сухихъ, суровыхъ типовъ, которые и видѣлъ въ слесарныхъ; не было озлобленныхъ, хмурыхъ лицъ. Здѣсь въ сравнительной тишинѣ спокойно работали надъ деревомъ добродушные столяры, чисто одѣтые, многіе въ очкахъ. Внизу на металлическихъ работахъ подъ огнемъ нечей, въ дыму паровиковъ, невозможно носить ничего кромѣ лохмотьевъ, — платье горитъ на человѣкѣ. Тутъ совсѣмъ иное дѣло. Пахнетъ вмѣсто газа и дыма смолистымъ запахомъ сосны. Точно въ свѣжій лѣтъ попалъ послѣ теплаго дождя, когда каждое дерево приветливо вышетъ вамъ на встрѣчу. Кое-гдѣ дерево скрипитъ подъ желѣзными инструментами, больно ему и бряхтитъ оно, жалуясь на безжалостную руку. Тутъ всѣ внимательно сосредоточены. Дерево — матеріалъ легкій: не доглядѣлъ — и испорчено оно. Дерево мягче — и натура мягче.

— Что вы здѣсь получаете въ мѣсяцъ? — спрашиваю я у одного рабочаго въ очкахъ, философски уставившагося на кусокъ дуба.

— Да рублей по тридцати въ мѣсяцъ, — взглянулъ онъ на меня въ очки. — Мальчики которые — тѣ по пяти рублей, пока приучатся къ нашему дѣлу.

— А какая работа здѣсь?

— Разная. Мы части машинъ дѣлаемъ, которыя изъ дерева, выдѣлываемъ модели, собираемъ машины земледѣльческія.

Тутъ у рабочихъ въ рукахъ рисунки различныхъ проектовъ, которые нужно воспроизвести изъ дерева. Всякая новая машина, прежде чѣмъ она будетъ приготовлена на заводѣ, является здѣсь въ видѣ модели. Эти образцы тутъ дѣлаются съ замѣчательнымъ тщательствомъ. Столярныхъ нѣсколько отдѣленій и народа здѣсь работаетъ не мало на трехъ токарныхъ станкахъ и 90 верстальныхъ. Всего здѣсь два мастера, два модельщика, 88 мастеровыхъ, 36 учениковъ, одна женщина и двое чернорабочихъ. Изъ дерева приготавливаются формы для стекла. Тутъ же почему-то

манометры и индикаторы, которыми заводъ можетъ по праву хвалиться. Вотъ что между прочимъ говорятъ о нихъ специалисты:

— Мы сравнивали манометры французскіе и людиновскіе. Для сравненія чувствительности того и другаго оба привинчивали къ одной трубкѣ, соединяющейся съ небольшимъ гидравлическимъ прессомъ. Накачивая насосъ, можно видѣть, что стрѣлки обоихъ манометровъ до поразительной точности тождественны въ своемъ показаніи давленія воды, а слѣдовательно и пара» (*Земледѣльческая Газета* 1877 г., стр. 372).

Интересныя, приготовляющіе манометры, смотрять весьма интересно; они зарабатываютъ на сравнительно легкомъ трудѣ отъ 35 до 45 руб. въ мѣсяцъ.

— Въ вашей наукѣ ума надо!—говорять они.

— Тутъ все расчетъ. Тутъ безъ цифры ничего не сдѣлаешь.

— Цифру знать требуется, чтобъ она всегда передъ тобой стояла, какъ листъ передъ травой, готовая!...

Безиллюстру — чертежная. Рядъ залъ, занятыхъ рисовальщиками и чертежниками изъ крестьянъ, окончившихъ мѣстные училища. Тутъ уже совсѣмъ другіе типы. Несмотря на форменный солдатскій армякъ, лица бритыя, чиновничьи. Мы наскоро прошли мимо, боясь попасть въ отдѣленіе земледѣльческихъ машинъ, въ которыхъ или изобрѣтенныя здѣсь, или усовершенствованныя американскія, молотилки, плуги, просорушки, сѣялки, вѣяки и комбайны системъ. Не ограничиваясь своими, заводъ выдаетъ также англійскія, американскія, германскія. Но о нихъ мы скажемъ потомъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего путешествія.

Вотъ, разумеется, могутъ поставить въ упрекъ изобиліе цифръ, приведенныхъ здѣсь, но иначе и нельзя было и обрисовать всей громадности этого предпріятія, — иногда цифра краснорѣчивѣе всякаго разсказа. Кстати уже, чтобы покончить съ этимъ, я приведу общую вѣдомость всѣхъ работающихъ на заводе. Всего здѣсь числится круглымъ счетомъ: механиковъ 3, мастеровъ 60, мастеровыхъ 1.800, учениковъ 300, женщинъ 250, писарей и приказчиковъ 35, чернорабочихъ 500 человекъ. Кроме того — масса народа, которая продовольствуется на счетъ завода. Здѣсь въ заводскомъ магазинѣ распродано по низкой цѣнѣ и выдано такъ, въ помощь рабочимъ, слѣдующее количество, за исключеніемъ тѣхъ, которыя они покупаютъ въ другихъ пунктахъ: муки ржаной 218.897 пуд., пшеничной — 10.475

пуд., крупы гречневыхъ — 23.013 пуд., масла коноплянаго — 3.722 пуда, соли — 8.441 пуд., сала свиного — 2.771 пуд., говядьяго — 577 пуд., солонины — 3.208 пуд., рыбы и сельдей — 1.956 пуд., овса — 22.117 пуд., мыла — 1.676 пуд., чаю — 314 пуд., сахару — 3.355 пуд., масла деревяннаго — 1.222 пуда.

Менѣе значительные продукты мы не приводимъ.

Вся эта масса потребляется только рабочими, живущими на своемъ содержаніи.

Правила для рабочихъ, если, напримѣръ, ихъ сравнить съ уральскими, въ высшей степени снисходительны.

Каждый рабочій по третьему звонку обязанъ быть у главныхъ воротъ завода и тотчасъ же приступать къ работѣ. За самовольный прогулъ или отлучку съ рабочаго взыскивается по усмотрѣнію заводскаго управленія, но не болѣе бакъ по 25 коп. за четверть сутокъ. Расчетъ производится 13 числа каждаго мѣсяца. Школы и больницы содержатся на счетъ управленія. Больные пользуются и лечатся въ нихъ на полномъ его издѣніи. Здѣсь для этого служатъ докторъ и четыре фельдшера. Въ больницѣ постоянныхъ кроватей 25, но по мѣрѣ нужды прибавляется сколько нужно. Въ Людиновѣ имѣется аптека, бакъ и въ Дядьковѣ.

Для того, чтобъ еще яснѣе опредѣлить дѣятельность завода, нужно прибавить одно: всѣ машины, станки, паровики, гидравлическіе прессы и проч., дѣйствующіе здѣсь, приготовлены на самомъ заводѣ. Въ настоящее время чужаго здѣсь ничего нѣтъ.

На другой день мы окончили осмотръ этого Шеффилда, посетивъ его вторично днемъ.

Когда мы вышли, солнце ярко свѣтило. Рабочіе бѣжали къ каменной-то, бакъ намъ показалось, часовиѣ, заваленной совсѣмъ бандажами, желѣзными частями машинъ, всякимъ ломомъ, бракованными орудіями, между которыми выдѣлялись свѣжестью прасолъ совершенно новыя, только-что приготовленныя, вещи.

— Куда это идутъ всѣ?

— Да къ колодцу. Тутъ у насъ исцѣлительный колодезь есть.

— Это еще что за исцѣлительный?

— Да мы мечтаемъ такъ о немъ. Лѣтомъ мы такъ упариваемся за работой, что у насъ на тѣлѣ соль выступаетъ. Бросишься къ колодцу съ жару, вода бакъ ледъ, пьешь ее жадно, — ну, точно вотъ въ книжкахъ пишутъ, верблюды, которые въ

пустыняхъ. Пьешь, а никогда не бывало, чтобы нутро отъ ей страдало, либо хворь какая захватила. Такъ мы его исцѣлительнымъ и прозвали. Вода у насъ тутъ брѣнная, сильная.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, я вышелъ на балконъ, солнце налило утѣ во всю, да небѣ не было ни облачка. Озеро чисто. Въ золотистой дымкѣ далей тихіе лѣсистые берега его точно погрузились въ сладкую дрему и спать себѣ надъ зеркальною поверхностью воды. Направо изъ заводскихъ трубъ клубится дымъ. Тамъ, въ этой массѣ строеній, стучить и бьется желѣзное сердце этой громадной лабораторіи труда и предприимчивости, бьются наравниги - пульсы и по его безчисленнымъ жиламъ разгоняютъ паръ въ самое отдаленныя завулки. Съ высокой колокольни красивой людиновской церкви звонили въ колоколь.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)